

П.В. Лизунов¹
Северодвинск

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ «НЕПРИЯТНОСТИ» БАНКИРСКОГО ДОМА «Г. ВАВЕЛЬБЕРГ»

В статье дается характеристика необычной стороны деятельности банкирских домов. На примере известного банкирского дома «Г. Вавельберг» раскрывается такая сторона его работы, как криминальные сюжеты, связанные с необеспеченными банковскими переводами, поддельными чеками и др. Приведены примеры действий банкирского дома в подобных ситуациях.

Ключевые слова: банкирский дом «Г. Вавельберг», банковские операции, финансовое предприятие, международные судебные разбирательства.

P.V. Lizunov
Severodvinsk

LARGE AND SMALL “DISTURBANCES” BANKING HOUSE “G. WAWELBERG “

The article describes the unusual side of the banking houses' activities. Using the example of the well-known banking house “G. Wawelberg”, reveals such a side of his work as criminal stories related to unsecured bank transfers, counterfeit checks, etc. The examples of the actions of the banking house in such situations are given.

Keywords: banking house “G. Wawelberg”, banking, financial enterprise, international litigation.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» был одним из самых известных и старейших частных банкирских фирм дореволюционной России. Учрежден он был в 1848 г. в Варшаве, а в 1869 г. открыл филиал в Петербурге, который вскоре по размерам операций превзошел головную контору². С падением влияния банкирских домов Гинцбургов и Поляковых его положение окрепло еще больше.

Агенты банкирского дома действовали во многих провинциальных городах Западной и Центральной России, Урала, Сибири, Средней Азии. Представители фирмы имелись в таких городах, как Вятка, Сарапул, Яранск, Малмыж Вятской губернии, городах Орск, Троицк, Челябинск, Верхотурье, Ирбит Оренбургской губернии, городах Пермь, Кунгур, Оса Пермской губернии, городах Уфа, Златоуст, Мензелинск Уфимской губернии, в Иркутске, Самарканде, Витебске, Екатеринбургe, Владивостоке и др.

---

¹ *Лизунов Павел Владимирович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой. Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Северодвинск. Россия. E-mail: ravelvl@mail.ru

² *Лизунов П.В.* Семейный банкирский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге // *Экономическая история: Ежегодник. 2018/19.* М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 101–156.

Как любому финансовому предприятию, банкирскому дому «Г. Вавельберг» время от времени приходилось сталкиваться с разными проблемами, разбирательствами и недоразумениями. Они появлялись в связи с расчетами по биржевым сделкам и банковским операциям, которые в зависимости от серьезности дела решались самой конторой, в Биржевом комитете, Коммерческом суде, Судебной палате или Окружном суде³. В ряде случаев приходилось обращаться в сыскную полицию, когда возникали проблемы криминального характера, например в 1910 г. в связи с получением денег по подложным чекам сыном титулярного советника Гордона⁴.

Несколько раз банкирский дом оказался втянутым в громкие как внутренние, так и международные судебные разбирательства, имевшие к нему прямое или косвенное отношение.

В 1898 г. берлинский банкирский дом «Robert Borchartd & Co» направил фирме «Г. Вавельберг» в Петербурге запрос о предоставлении сведений об одной московской группе из трех человек, владевших цементным заводом под Нижним Новгородом. Те обратились к ним с просьбой предоставить ссуду в размере 200 тыс. руб. на годичный срок, указав, что участвуют в акционерном обществе по производству цемента, акции которого предложили заложить. Кроме того, все трое учредителей были готовы предоставить в залог свое «солидарное вексельное обязательство»⁵.

В ответ на запрос «Роберт Борхардт и Co» получил от «Г. Вавельберга» пространное письмо, в котором сообщалось, что все трое известны как «достойные доверия, солидные и состоятельные» люди. Также «Г. Вавельберг» информировал, что их цементный завод производит ежегодно 120 тыс. бочек цемента с прибылью 1–2 руб. с каждой бочки, а при желании производство легко может быть увеличено. Особо указывалось, что «московской группой лиц» заключен с правительством «крайне выгодный контракт на поставку большой партии продукции на 8 лет».

Банкирский дом «Г. Вавельберг» соглашался участвовать в деле с общим счетом (*eto meta*), присовокупив к сведениям обычную фразу «без моей ответственности», не имевшей практически никакого зна-

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 225. Оп. 1. Дд. 223, 4330К; Ф. 243. Оп. 1 Д. 622; Ф. 356. Оп. 1. Д. 1953; Ф. 356. Оп. 1. Дд. 20474, 5943; Ф. 356. Оп. 2. Д. 15; Ф. 780. Оп. 1. Д. 311; Ф. 852. Оп. 1. Дд. 2891, 3310, 3437, 4755, 4806, 4849; Оп. 2. Дд. 307, 340, 369 и др. Практика С.-Петербургского коммерческого суда за 1874 г. СПб., 1875. С. 213–221.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 1 Д. 1677.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 31. Д. 57. Л. 8.

чения, указывающей на беспристрастность и объективность коммерческого отзыва.

На основании данного отзыва «Роберт Борхардт и К^о» предоставил ссуду в размере 200 тыс. руб. «Г. Вавельберг» уведомил берлинскую фирму о получении акций цементного завода вместе с дивидендными купонами на текущий 1899 г. После чего деньги были выплачены просителям.

Накануне истечения годовичного срока заемщики объявили, что могут заплатить только 20 % и просили об отсрочке остальных 80 % еще на 6 месяцев. «Г. Вавельберг» посоветовал принять это условие, «так как в противном случае может наступить катастрофа». Настоятельная просьба фирмы «Роберт Борхардт и К^о», чтобы «Г. Вавельберг» «попытался получить обеспечение отсроченных 80 % ипотекой», не имела успеха. В ответ банкирский дом «Г. Вавельберг» сообщил, что подобного требования выполнить не может, так как «все три заемщика ничего не могут предоставить»⁶.

По прошествии нового срока оказалось, что все трое заемщиков оказались несостоятельными, их векселя «пошли под протест», а заложенные акции оказались ничего не стоящей бумагой.

Глава банкирской фирмы Р. Борхардт обратился к совладельцу «Г. Вавельберга» О.С. Берсону с запросом, каким образом его конторой мог быть дан отзыв о подозрительных лицах и обо всем деле. В ответе сообщалось, что это недоразумение произошло по вине одного из доверенных банкирского дома, который «грубо обманул своих хозяев и скрывал от них нарочно истинное состояние разных дел». После этого «Роберт Борхардт и К^о» обвинил «Г. Вавельберг» в преднамеренном обмане и заявил, что тот «ответственен перед ним по данной сделке».

Выяснилось, что владельцы цементного завода еще до начала общего дела задолжали банкирскому дому «Г. Вавельберг» сумму как раз в 200 тыс. руб. Также они были должны машиностроительному заводу «Артур Коппель», в котором некто Л. Лименитерн был «значительно заинтересован», о чем, без сомнения, было известно «Г. Вавельбергу». Лименитерн во время заключения общей сделки «был тот самый неверный доверенный приказчик конторы Вавельберг, на которого Берсон указал, как на виновного во всем этом деле». Затем Лименитерн оставил долголетнюю службу в банкирской конторе и перешел в правление общества «Артур Коппель».

Стало известно, что три заемщика прежде чем обратиться к фирме «Роберт Борхардт и К^о» за займом, просили «Г. Вавельберг» ссудить им еще денег, на что последовал отказ. Просителям было указано на денежные источники за границей и возможность ссылаться на бан-

⁶ Там же. Л. 8–9.

кирский дом «Г. Вавельберг», который может предоставить о них положительные сведения. Таким образом, был задуман план привлечь фирму «Роберт Борхардт и К^о» в эту сделку. Кроме того, обнаружилось, что во время сообщения отзыва цементный завод, о цветущем состоянии которого указывал «Г. Вавельберг», существовал только в самом зачатке, был положен лишь закладной камень, еще не были возведены стены, и только в 1899 г. были сделаны первые попытки производства цемента⁷.

Как выяснилось, никакого контракта с правительством о поставках цементных камней для регулирования Волги никогда не существовало. Какой-то чиновник будто бы побеседовал с учредителями цементного завода о том, что такие камни могут потребоваться, а вскоре после этого упомянутый чиновник был уволен со службы. О каких-либо дальнейших переговорах никогда речи не было. Было установлено, что, когда ссуда была получена, никаких акций цементного завода еще не существовало, они не были даже напечатаны. Наконец, оказалось, что банкирский дом «Г. Вавельберг» обеспечил в июле 1899 г. себя 230 тыс. руб. ипотекой на весьма ценный московский дом одного из должников, вопреки тому, что вел общий счет (*eto meta*) и должен был блюсти общие интересы⁸.

Р. Борхардт предпринял попытку уладить дело лично с И.Г. Вавельбергом, однако тот отвечал медленно и уклончиво. Затем немецкий банкир предложил решить дело третейским судом, но Вавельберг оставил данное предложение без ответа. После этого «Роберт Борхардт и К^о» по совету своих российских юрисконсультов подал жалобу в Петербургскую прокуратуру, где обрисовал цепь обманов и нарушений доверия банкирским домом «Г. Вавельберг» и владельцами общества для производства цемента. Прокуратура после ознакомления с жалобой возбудила следствие⁹. К сожалению, чем закончилось дело, выяснить не удалось, но виновность «Г. Вавельберга» была очевидной.

Летом 1900 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» в Петербурге получил из-за границы извещение об уплате по его аккредитивам берлинским банкирским домом «Мендельсон и К^о» и Deutsche Bank некоей Ольге Барановой 40 тыс. марок. При проверке оказалось, что никакого счета на имя Барановой в конторе Вавельберга не было и, следовательно, предъявленные за границей аккредитивы были подложные.

Как выяснилось при разбирательстве, порядок выдачи заграничных аккредитивов в конторе «Г. Вавельберг» был несложен. Сами

---

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 10–10 об.

служащие критиковали его, находя возможным при помощи обмана получение денег по аккредитиву за границей. Когда стало известно о ловкой проделке таинственной незнакомки в Берлине, сразу же решили, что в данном деле замешан кто-то из сотрудников банкирского дома «Г. Вавельберг». Подозрение пало на брауншвейгского подданного Густава Лихтенштейна, который вел корреспонденцию, и бланки аккредитивных писем при отсылке за границу проходили через него. Следствием выяснилось, что Лихтенштейн, получая 100 руб. жалования в месяц, вел жизнь на широкую ногу. Он играл в клубах и наделал много долгов, а зимой 1899 г. по иску портного на его жалованье был даже наложен арест.

В начале 1900 г. Лихтенштейн познакомился с француженкой Юлией-Марией Жакэ и вступил с ней в близкие отношения. В то время она не имела определенных занятий и, квартируя в меблированных комнатах на Литейном проспекте, жила, по-видимому, на средства Лихтенштейна. Жакэ постоянно нуждалась в деньгах и даже была вынуждена обратиться за помощью во французское посольство и благотворительное общество. Ей выдали 25 руб. для уплаты за квартиру и железнодорожный билет 3-го класса до Парижа. Однако француженка, бывшая беременной, продала кому-то этот билет, объяснив знакомым, что ей нужно ехать не в Париж, а в Берлин для получения денег Лихтенштейна. Сам же Лихтенштейн говорил своим знакомым, что Жакэ собирается уехать из Петербурга в провинцию, где нашла место гувернантки.

В мае 1900 г. Лихтенштейн уволился из конторы Вавельберга, а 14 июня Жакэ выехала за границу. Через два дня после этого в Бреславский учетный банк в Берлине явилась дама, лет тридцати, прекрасно говорившая по-французски. Назвавшись Ольгой Барановой, она предъявила к оплате аккредитив банкирской конторы «Г. Вавельберг» от 2 июня на 25 тыс. марок. Усомнившись в подлинности аккредитива, директор банка отказался выдать деньги. Однако банкирский дом «Мендельсон и К^о» и Deutsche Bank выплатили Барановой по аккредитивам 25 тыс. и 15 тыс. марок.

Лихтенштейн выхлопотал заграничный паспорт и собирался выехать за границу, однако 20 июня был арестован. При обыске в его квартире были найдены несколько циркуляров банкирского дома «Г. Вавельберг» на французском, датском и немецком языках с подлинными подписями совладельцев дома И.А. Шебеко и О.С. Берсона, а также срочная телеграмма из Берлина от 16 июня следующего содержания: «Принимаем предложение, приезжайте немедленно. Пэрман».

Сначала Лихтенштейн объяснил, что телеграмма эта была прислана неким Пэрманом, к которому он должен был поступить на службу.

Но потом признался, что телеграмму ему прислала Жакэ, чтобы он мог скорее получить заграничный паспорт. Привлеченный к ответственности, Лихтенштейн не признал себя виновным в подлоге аккредитивов. По его словам, найденные у него циркуляры банкирского дома «Г. Вавельберг» он взял без всякого преступного замысла, желая иметь лишь образец циркулярного извещения.

Несмотря на все принятые сыскной полицией меры, француженку Юлию-Мари Жакэ разыскать не удалось, так же как и Ольгу Баранову. 29 ноября 1901 г. Лихтенштейн предстал перед Петербургским окружным судом. Защищал его присяжный поверенный С.П. Марголин, со стороны обвинения выступал товарищ прокурора Окружного суда И.И. Бибиков.

Подсудимый – человек лет тридцати пяти, с резкими чертами худощавого лица. По-русски он не говорил и давал свои объяснения на французском языке через переводчика. Не признавая себя виновным, он поддерживал свое первоначальное показание. В своем последнем слове он заявил, что был лишь случайной жертвой сложившихся обстоятельств.

Ознакомившись с деталями преступления, присяжные заседатели вынесли обвинительный вердикт и дали снисхождение. Лихтенштейн был приговорен к заключению в тюрьму на один год, лишению всех прав и преимуществ¹⁰. Никаких финансовых потерь банкирская фирма «Г. Вавельберг» не понесла, пострадали его немецкие партнеры. Зато после этого инцидента усилился контроль над служащими.

В 1905–1906 гг. дом «Г. Вавельберг» в Петербурге снова косвенным образом оказался причастным к громкому международному уголовному процессу о присвоении более 850 тыс. фр. служащим Национальной учетной конторы (Comptoir National d'Escompte de Paris) Жаном Галлеем. До работы в банке он служил в полиции инспектором общей безопасности, но из-за пренебрежения своими обязанностями был уволен, несмотря на содействие своего отца – комиссара полиции. Несмотря на былые заслуги, за вмешательство его отец был вынужден подать в отставку. В январе 1903 г. благодаря знанию немецкого языка он был принят на работу в банк в отдел внешних связей. Он отвечал за переписку с вкладчиками из Южной Германии, Эльзаса, Польши и России. В начале службы в банке он получал 2 000 фр. в год, затем с апреля 1903 г. – 2 400 фр., а с января 1905 г. – 2 600 фр. и дополнительно 300 фр. на Новый год.

Другим фигурантом дела оказалась его любовница Валентина Мари Дарбу, более известная под своим сценическим псевдонимом Валентина Мерелли. Она родилась в деревне, а воспитание получила

¹⁰ Никитин Н. В. Преступный мир и его защитники. М.: Воениздат, 2003. С. 192–195.

в монастыре. В 1896 г. Дарбу вышла замуж за гравера Сохе из Седана, но в 1900 г. по обоюдному согласию они расстались, но официально не развелись. Мерелли уехала в Париж, где «впала в галантную жизнь». Она пробовала начать сценическую карьеру, но у нее не оказалось таланта ни к актерскому мастерству, ни к пению. Мерелли пыталась заняться сочинительством, приступила к написанию автобиографической книги под названием «Роман химеры». Не имея собственных средств к существованию, она была вынуждена жить за счет мужчин.

Знакомство Галлея и Меррели произошло в доме на ул. де Шато, 40, принадлежавшем мадам Мэтте, более известной как «Миледи». При встрече оба выдавали себя за других. Галлей отрекомендовался богатым бароном Гравалем де Гершем, а Мерелли прикинулась невинной и неопытной девушкой. Оба умолчали, что состоят в браке. Галлей, по утверждению прессы, безумно влюбился в Мерелли и полностью посвятил себя этой женщине. Он снял для нее роскошную квартиру, приглашал в лучшие рестораны, возил в оперу, дарил подарки. В результате вскоре стал испытывать финансовые затруднения. С 1904 г. Галлей начал переводить небольшие суммы денег, принадлежавшие клиентам банка, в другие филиалы. Затем их снимал, используя поддельные документы. Когда Галлей понял, что никто не обнаружил хищений, стал увеличивать суммы. Если в декабре 1904 г. он перевел 3 459 фр., то в феврале 1905 г. – 50 000 фр., в мае – 40 000 фр., в июле – 50 000 фр.

В течение дня Галлей носил поношенные соломенную шляпу и пальто, соответствующие его положению клерка. По вечерам он переодевался в модный плащ, дорогую рубашку с платиновыми запонками с бриллиантами. Разъезжал на собственном автомобиле, купленном за 3000 фр. Шелковый цилиндр и монокль дополняли его аристократический образ.

В июне, воспользовавшись вновь одним из коммерческих писем, которое Галлей изготовил на торговый дом «Gros-Roman», он сумел получить 50 тыс. фр. Однако возникли проблемы, и торговый дом опротестовал часть суммы. Тогда Галлей внес ложную корректировку счета, подделав подпись своего начальника. Он прекрасно понимал, что вскоре его проделки будут раскрыты, и необходимо принимать какие-то решения. Тогда ему в голову пришел гениальный план. Он открыл два счета в Comptoir national d'Escompte: один на свое имя, другой – на имя своей любовницы. Третий счет им был открыт в Cr dit Lyonnais. При открытии счетов Галлем использовал один и тот же прием: на фирменных бланках банкирского дома «Alcan-L vy», иден-

тичных бланкам банкирского дома «Г. Вавельберг», и коммерческих письмах дома «Paul Dupont», похожих на письма Азовско-Донского банка, он отправил требования о переводе денег.

22 июля 1905 г. Галлей представил письмо, в котором банкирский дом «Г. Вавельберга» от имени вымышленного Генрика Минкевича просил Comptoir national d'Escompte внести на счет Валентины Дарбу в Cr dit lyonnais 104 тыс. фр. Приказ был выполнен, и с помощью чека, выданного Дарбу, Галлей под именем барона Гравалья смог без проблем снять эту сумму. После этой успешной операции Галлей снова воспользовался поддельными торговыми письмами дома «Gros-Roman». Он отдал распоряжение перевести 250 тыс. фр. на счет Мерелли в Comptoir national d'Escompte. Затем по ее рукописной записке эта сумма была переведена в Soci t  G n rale на имя Гравалья де Герша.

28 июля новым письмом, но от имени Азовско-Донского банка, как и в предыдущем случае, Галлей приказал перевести 366 633 фр. в Comptoir national, а затем в Soci t  G n rate на имя барона Гравалья. На обоих письмах стояли подделанные подписи директоров этих финансовых учреждений. Галлею оставалось только выписать на свое имя чек и забрать деньги. Таким способом, ему удалось за 8 дней получить 720 тыс. фр. Оставалось лишь придумать, как скрыться с украденными деньгами. Галлей, используя имя барона Гравалья, за 55 тыс. фр. арендовал в Гавре на трехмесячный срок британскую паровую яхту «Катарина» и нанял команду из 20 чел. Чтобы не вызвать подозрения и выиграть время, Граваль попросил и получил от Comptoir national d'Escompte 15-дневную отсрочку. Влюбленная пара, понимая, что в ближайшее время не вернется во Францию, сделала значительные запасы. Их багаж состоял из 86 чемоданов, сумок, коробок и ящиков. С собой на яхту Мерелли взяла свою горничную Мари Аудо, а Галлей нанял еще врача. Им удалось беспрепятственно 3 августа отплыть из Гавра.

Тем временем подделанные чеки администрация банка вскоре обнаружила, о чем уведомила полицию, на основании чего судья выдал ордер на арест сбежавшего Галлея. Следователь сумел отследить беглецов в Гавре, но к тому времени те уже успели покинуть Францию. Выяснив маршрут яхты, полиция разослала фотографии и запросы на арест Галлея и его спутников. 24 августа при заходе в порт Баию, когда казалось, что опасность миновала, они были задержаны бразильской полицией. Галлей разыграл изумление и негодование, вел себя вызывающе, угрожал всевозможными последствиями. Он утверждал, что его зовут Гранде, он бельгийский подданный и с помощью жены выполняет одну секретную политическую миссию. Также он заявил, что принадлежит к некой революционной организации, которая дала ему сред-

ства для победы их дела. Однако все было напрасно, задержанных отпустили обратно во Францию. Через несколько недель Галлей и его спутники были доставлены в Париж, где он признался в растрате.

Двух судебных слушаний оказалось достаточно. Галлей был признан судом присяжных виновным по всем обвинениям и осужден к 7 годам принудительных работ. Часть срока он провел в тюрьме на Дьявольском острове – печально известной французской колонии в Гвиане. Позже по его просьбе он был переведен в тюрьму Мелун во Франции. В 1912 г., отсидев 5 лет вместо 7, Галлей был освобожден. Меррели судом была оправдана. Непродолжительное время она имела успех, ее фотографировали для открыток, но вскоре интерес к ней прошел и ее «звезда упала». Их спутники были освобождены из-под ареста и проходили в качестве свидетелей обвинения¹¹.

Финансовые потери от махинаций Галлея в основном понес парижский банк, в котором он служил. Comptoir national d'Escompte объявил о краже более 850 тыс. фр. Во время процесса сумма пропавших денег была уточнена. В общей сложности Галлей украл 863 тыс. фр., из которых успел потратить лишь часть. 700 тыс. были обнаружены в двух пакетах в вещах Мари Аудо, которые, как она объяснила в суде, дал ей на хранение Галлей перед арестом. Изъятые деньги были возвращены банку.

Ни банкирский дом «Г. Вавельберг», ни Азовско-Донской банк не пострадали. О произошедших в Париже событиях они узнали из прессы, в основном французской, которая много и подробно освещала все перипетии произошедшего криминального дела и судебного процесса над Галлеем и его возлюбленной Меррели. Почему Галлей решил использовать именно эти российские банки, можно только предполагать. Сам Галлей объяснял свой выбор легкостью подделать фирменные бланки банкирского дома «Г. Вавельберг» и Азовско-Донского банка.

Однако наиболее громким оказалось нашумевшее «дело Гурко-Лидваля», в которое оказался втянутым банкирский дом «Г. Вавельберг». Оно живо обсуждалось в российской прессе и даже получило извест-

---

¹¹ Le roman d'un escros // Le Matin. 1905. 23 aout. № 7850; Les Fugitives de la «Catarina». Gallay et la Mérelli en prison // Le Matin. 1905. 26 aout. № 7853; L'Affaire Gallay // Le Petit Parisien. 1905. 15 octobre. № 10 579; Un Procès sensationnel // Le Petit Parisien. 1906. 26 février. № 10 713; Le proces Gallay-Mérelli cour d'assises de la seine // Le Petit Parisien. 1906. 27–28 février. № 10 714–10 715; Gallay et la Mérelly aux Assisesles manifestants en correctionnelle. Le procès Gallay-Mérelly // La Presse. 1906. 27 février. № 5 021; Roman d'un aventurier L'affaire Gallay-Mérelli aux Assises // La Presse. 1906. 28 février. № 5 022; Tribunaux. Gallay et Mérelli // Journal des débats politiques et littéraires. 1906. 27 février. № 57; L'affaire Gallay // L'Ouest-Éclair. 1906. 27 février. № 3 278.

ность как «афера века». Суть его заключалось в том, что товарищ министра внутренних дел действительный статский советник и камергер высочайшего двора В. И. Гурко заключил 20 сентября 1906 г. контракт от казны с владельцем торгового дома «Лидваль и К^о» Э.-Л. Лидвалем на поставку 10 млн пуд. ржи в губернии, пострадавшие от неурожая. Лидваль получил в качестве задатка 800 тыс. руб. без всякого обеспечения.

Неисполнение Лидвалем договора имело ряд печальных последствий. В виду несвоевременной доставки Лидвалем ржи, министерство внутренних дел вынуждено было для немедленного устранения острой нужды в некоторых губерниях предпринять экстренные закупки в Одессе и Николаеве 3 250 тыс. пуд. ржи с переплатой по 10 коп. за пуд, что составляло убыток для казны в 825 тыс. руб. Для немедленной доставки хлеба в губернии, пострадавшие от неурожая, пришлось вести его по так называемому воинскому графику, т. е. с временной приостановкой перевозки по некоторым железнодорожным линиям различных частных грузов, от чего, в свою очередь, не только пострадали торговля и промышленность, но обнаружилось повышение цен на хлеб до 1 руб. за пуд в тех губерниях, где голода не было. При окончательной ликвидации контракта с Лидвалем за ним оставалось свыше 400 тыс. руб. невозвращенного задатка и не было никакой надежды что-либо с него взыскать.

На предварительном следствии было установлено, что в 1903 г. шведский подданный Э.-Л. И. Лидваль учредил в Петербурге товарищество на вере под фирму «торговый дом Э.-Л. Лидваль и К^о» с участием вкладчицы, не пожелавшей быть поименованной. Цель товарищества – содержание в Петербурге технической конторы для продажи в России американских товаров. Складочный капитал товарищества определен в 1 500 руб., из которых 1 000 руб. принадлежит товариществу, а 500 руб. – «некой вкладчице». С 1903 по 1905 г. из Петербургской купеческой управы торговому дому Лидваля были выданы промысловые свидетельства 2-го разряда на содержание конторы. На 1906 г. фирма «Э.-Л. Лидваль и К^о» промыслового свидетельства из Купеческой управы не выбирала и заявления о прекращении деятельности товарищества не поступало.

Во время следствия Лидваль назвал С.-Петербургский учетный и ссудный банк и банкирский дом «Г. Вавельберг» в качестве «своих банкиров», через которые он проводил свои платежи. На запрос следствия Учетный и ссудный банк заявил, что Лидваль переводил через него для платежа лишь незначительные суммы за границу, большею частью в Нью-Йорк. Он имел в банке текущий счет, на котором чис-

лилась весьма скромная сумма. Все это, по заверению банка, не давало Лидвалю права считать Учетный и ссудный банк «своим банкиром».

Банкирский дом «Г. Вавельберг» сообщил, что торговый дом «Э.-Л. Лидваль и К^о» вообще никаких счетов у него не открывал и не имел и что указание Лидваля на него, как на «своего банкира, не имеет никакого основания».

Из доставленных прокурором Петербургского окружного суда справок обнаружилось, что по книгам старшего нотариуса у шведского подданного Э.-Л. Лидваля в Петербурге и в Петербургской губернии никакого недвижимого имущества не значилось. Из осмотра делопроизводств петербургских мировых и общих судебных установлений, а также Петербургского коммерческого суда следовало, что в 1905 и в 1906 гг. производилось много дел по разнообразным искам и взысканиям с Лидваля. По некоторым делам его имя было связано с предприятиями по устройству в разных собраниях азартных карточных игр, причем Лидваль оказался настолько неисправным должником и контрагентом, что по определениям судебных мест неоднократно описывались его товары и домашняя обстановка.

Предварительное следствие собрало ряд сведений, указывающих, что Гурко отдал Лидвалю этот подряд по частной, внеслужебной рекомендации. Хотя Гурко и утверждал, что совершенно неизвестный ему Лидваль не был никем рекомендован, а произвел на него впечатление «человека делового, американской складки, быть может, рискующего в своих предприятиях, однако, во всяком случае, не сознательно идущего на совершение сделки, которой не может вовсе исполнить».

Привлеченный по всем вышеописанным преступным деяниям в качестве обвиняемого, Гурко ни в одном из предъявленных ему обвинений не признал себя виновным и подтвердил свои объяснения, данные Высочайше учрежденной комиссии и Первому департаменту Государственного Совета¹².

Предпринимались и попытки ограбления банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге. В марте 1908 г. петербургской сыскной полицией была арестована группа преступников, совершивших несколько вооруженных ограблений. Ими на начало февраля было запланировано вооруженное нападение на артельщика банкирских контор Вавельберга и Юнкера, когда он будет возвращаться из Государственного банка с 77 тыс. руб. Были арестованы нигде не работающие Е. Матвеев, С. Спиридонов, В. Наркевич, И. Грачиков, служащий Государственного банка М. Хонин и три женщины крестьянка Е. Фролова, мещанка

¹² Судебная хроника. Дело бывшего товарища министра внутренних дел д.с.с. Гурко // Киевлянин. 1907. 27, 28, 29 октября. №№ 297, 298, 299.

В. Пелевина и квартирная хозяйка Е. Тарасова. При обыске у Матвеева обнаружены были множество патронов, нелегальная литература и подробный план ограбления банкирских контор Вавельберга и Юнкера. Причем артельщика предполагалось убить. Задержанный Хотин, еще совсем мальчик, отрицал свое участие в первых ограблениях и заявил, что его роль в задуманном ограблении сводилась к указанию дня получения артельщиком денег в Государственном банке, за что ему в случае удачи обещали крупную сумму денег¹³.

Несколько раз банкирская контора «Г. Вавельберг» в Варшаве становилась объектом шантажа и вымогательства денег со стороны польских националистов. Владельцы неоднократно получали письма с просьбами о пожертвовании средств и угрозами¹⁴. Так, в августе 1911 г. под лестницей варшавской конторы «Г. Вавельберг» был обнаружен пакет с бомбой. Устройство, признанное полицией весьма опасным, было обезврежено¹⁵.

Однако, несмотря на все неприятности, банкирский дом «Г. Вавельберг» сохранял свое положение солидного учреждения. На его основе в 1912 г. был учрежден Петербургский торговый банк с основным капиталом 10 млн руб. и в 1913 г. – Западный банк в Варшаве с основным капиталом 5 млн руб. Торговый банк просуществовал в России до его национализации большевиками в 1917 г. Западный банк в Польше, которая после Октябрьской социалистической революции обрела независимость, функционировал до 1949 г.

Библиография

1. *Лизунов П. В.* Семейный банкирский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге // *Экономическая история: Ежегодник. 2018/19.* М.: Институт российской истории РАН, 2020. С. 101–156.
2. *Никитин Н. В.* Преступный мир и его защитники. М.: Воениздат, 2003. С. 192–195.

---

¹³ Арест шайки грабителей // *Киевлянин.* 1908. 04 марта. № 64; Арест экспроприаторів у Петербурзі // *Рада.* 1908. 04 березня. № 53.

¹⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 8. Д. 1074. Л. 1–2 об.

¹⁵ *Une bombe à Varsovie // Gil Blas.* 1911. 17 août. № 12602.